РАЗДЕЛ ДВАДЦАТЫЙ

Первая половина июня 32-го года принесла нам некоторое облегчение, и люди уже реже умирали от голода. Начали поспевать ранние ягоды и фрукты, можно было многое употреблять из овощей, которые мы посадили. У кого не было своих садиков и огородов, те воровали у других, что только и где только могли. По ночам они, словно тучи саранчи осаждали огороды и тащили всё, что попадётся: молодой лучок, картошечку, морковку, свёколку, корни петрушки, клубнику и фрукты. Таким образом многие огороды вскоре были дочиста опустошены.

Кражи, ночные преступления и грабежи, о которых мы прежде редко слышали в наших краях, теперь стали обычным явлением. А убийства или самоубийства перестали быть чем-то невероятным. Следствием полного переворота в общественной жизни и разрыва сложившихся человеческих отношений стало беззаконие. Местная власть, которая должна была заботиться о законе и порядке, в руках кучки коммунистов превратилась в инструмент нашего угнетения и не могла, а, возможно, и не хотела предоставить нам ту защиту, на которую мы как граждане имели право.

Так, мы слышали, что двоих братьев – Фёдора и Василя, моих добрых товарищей, забили насмерть и сбросили в старый колодец. Говорили, будто их убил сосед за то, что они украли из его хаты уже сваренную пищу. Другого мальчика били так долго, пока он не умер, за то, что он на чьём-то огороде нарвал клубники. Такая же судьба выпала одной молодой женщине за то, что воровала овощи. Во всех этих и подобных случаях не было никакого ни следствия, ни суда, и виновных никто не наказывал.

Колхозный урожай тоже не мог уберечься от голодных крестьян. Как только вечерело, колхозные поля, где росли овощи, уже кишели крестьянами, обезумевшими от голода. Они загребали всё, что могли нащупать в темноте: подкапывали картошку, выдёргивали головки молодой капусты и съедобные корни. Именно в эту пору начали наливаться колосья зерновых. Эти колоски стали для голодающих основным средством, чтобы утолить голод: они целыми стаями пробирались на пшеничные поля, срывали колоски и часто там же на месте вышелушивали из них зёрна и ели. Кроме того, носили колоски домой и сушили; извлеченные из них зёрна, хоть ещё и зелёные и неспелые, всё же годились на кулеши и каши. А те, кто работал на колхозных полях, старались украдкой прихватить какие-то овощи или несколько колосков, чтобы принести домой и подкормить ими своих детей и больных или калек из семьи. Но этот источник питания вскоре стал ненадежным: "товарищ тысячник" решительно положил этому конец, организовав бригаду "коммунистических дозорных" и поручив им охрану колхозных полей. В дозорные вербовались партийные активисты, комсомольцы, а также школьники. Через много лет в мои руки попали такие статистические данные, которые приводил Павел Постышев, которого Москва тогда назначила правителем Украины:

"В разных областях Украины в охране урожая и собирании колосков участвовали 540 000 детей, а 10 000 детей участвовали в борьбе с расхитителями".

Эти дозорные охраняли колхозные поля днём и ночью. Каждый работник был под постоянным надзором не только в поле, но его ещё и обыскивали в конце каждого рабочего дня. Делалось это по явному приказу "товарища тысячника", который боялся, чтобы колхозник не спрятал в своей одежде какой-нибудь овощ или колосок, даже будучи под бдительным надзором дозорных.

Более того, партия и правительство издали несколько суровых законов, направленных на то, чтобы уберечь урожай 32-го года от голодающих крестьян. Согласно этим законам, на колхозных полях, где выращивали пшеницу, картофель и овощи, и по их краям были построены сторожевые башни. Это были вышки – такие же, какие можно было видеть возле тюрем. Они

были укомплектованы дозорными с ружьями. Немало голодных крестьян, замеченных при том, что они искали что-нибудь съедобное на полях или где-то рядом, пали жертвами этих молодых сторожей и дозорных, которым очень хотелось пострелять. А если удавалось внезапно схватить кого-то из голодающих живьём, то его сурово карали. Если человека признавали виновным в краже "социалистической собственности", каким бы мизерным не было это украденное, его выселяли из хаты и ссылали в лагеря принудительных работ на север России.

Один из самых жестоких законов был принят 7 августа 1932 года. Этот закон гласил, что вся колхозная и кооперативная собственность – такая, как урожай на полях, общественные "излишки", амбары, склады, магазины, скотина и всё прочее, – отныне должна считаться государственным имуществом. Охрану этого имущества от разворовывания следовало осуществлять всеми возможными способами. Каждая кража каралась расстрелом и конфискацией имущества виновного. Расстрел можно было заменить не менее чем десятью годами принудительного труда в лагере и конфискацией имущества. Приговоры этим так называемым преступникам, осуждённым за кражи в колхозе, не подпадали под амнистию.

Этот закон, как уже было сказано, был направлен против крестьянства, которое страдало от голода. Другого объяснения быть не может. Потому что только этих бедных, голодных горемык, которые искали еду, голод гнал и вынуждал воровать бывшую общественную, а ныне государственную собственность. А государство, вместо того, чтобы обеспечить их продуктами хотя бы в пределах нищенской пайки, заставляло бедняг воровать тот "запретный плод" и тем самым становиться преступниками. И не только такая малость как картофелина или несколько колосков, взятых с колхозного поля, считались тяжким преступлением против государства: большим преступлением также считалось собирать колоски, оставленные в поле после жатвы, ловить рыбу в речках или собирать сухие ветки в лесу на растопку. После введения в действие этого закона всё стало считаться социалистической, то есть государственной собственностью, а значит всё оказалось под охраной закона.